

Кент А. Кил

доктор психологии, профессор Университета
Нью-Мексико

ПСИХОПАТЫ

ДОСТОВЕРНЫЙ РАССКАЗ О ЛЮДЯХ

БЕЗ ЖАЛОСТИ

БЕЗ СОВЕСТИ

БЕЗ РАСКАЯНИЯ

КТО ЖЕ ТАКИЕ ПСИХОПАТЫ? НАУЧНЫЕ ФАКТЫ И ГИПОТЕЗЫ О ПУГАЮЩЕМ СОЧЕТАНИИ НАВЕРЖЕННОВАГО БЕЗРАЗЛИЧИЯ И ВНЕШНЕГО ОБАЯНИЯ ОТ ОДНОГО ИЗ ВЕДУЩИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И НОВАТОРОВ В ОБЛАСТИ ПСИХИАТРИИ. ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ КНИГА, КОТОРАЯ К ТОМУ ЖЕ МОЖЕТ СПАСТИ ВАМ ЖИЗНЬ.

The New Yorker

Кент Кил

**Психопаты. Достоверный
рассказ о людях без жалости,
без совести, без раскаяния**

«Центрполиграф»

2014

УДК 159.9.072.42
ББК 88.4

Кил К. А.

Психопаты. Достоверный рассказ о людях без жалости, без совести, без раскаяния / К. А. Кил — «Центрполиграф», 2014

Доктор психологии, нейронаук и права, профессор Университета Нью-Мексико Кент Кил рассказывает о своей многолетней работе с психопатами – от безжалостных серийных убийц, которых он встречал за решеткой, до детей, в чьем поведении и чертах характера проявились тревожные сигналы этого будущего тяжелого расстройства. Личная история доктора Кила сочетается с понятным и общедоступным повествованием о новейших данных науки, позволяющим заглянуть в удивительный, но еще мало разгаданный мир чужого разума и задуматься о роли, которую все это может сыграть в жизни общества и обычного человека. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.9.072.42

ББК 88.4

© Кил К. А., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

Глава 1	6
День первый	6
День второй	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22
Комментарии	

Кент А. Кил
Психопаты. Достоверный рассказ о людях
без жалости, без совести, без раскаяния

Kent A. Kiehl

PhD

The PSYCHOPATH WHISPERER

The Science of Those Without Conscience

Copyright © 2014 by Kent A. Kiehl

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Маме и папе

Глава 1

Тюрьма строгого режима

ФАКТ: один из четырех заключенных в тюрьмах строгого режима – психопат.

День первый

Лязг разблокированного замка сотряс неподвижный утренний воздух, и большие металлические ворота с несколькими рядами колючей проволоки медленно поползли по железным рельсам, раскрываясь. «Выстрел», как говорили про этот звук, отразился от соседних построек, усиливая зловещее настроение и без того мрачной сцены. От ворот на полкилометра в обе стороны протянулись два параллельных забора шестиметровой высоты из металлической сетки. В пространстве между ними шло 2,5-метровое ограждение из колючей проволоки – препятствие, которое не перескочил бы даже самый прыгучий эск. Нигде не было видно ни души. Как будто ворота сами загадочным образом узнали о моем приближении и открылись, приветствуя меня в мой первый день работы в тюрьме строгого режима.

Тем утром я проехал сто километров под дождем из дома в Ванкувере до городка Эбботсфорд, где располагаются несколько режимных тюрем канадской провинции Британская Колумбия. Комплекс Матски стоял всего в нескольких минутах от шоссе среди скопления бензозаконок и мини-маркетов, где, очевидно, заправлялись сотни машин и сотрудников, приехавших туда каждый день. Вход на территорию ничем примечательным не выделялся, разве что предупреждающей надписью: «Все посетители и автомобили будут обысканы на предмет провоза запрещенных вещей, а найденные вещи будут изъяты». Вокруг, насколько мог видеть глаз, простирались темно-зеленые травянистые холмы, усыпанные зданиями, напоминавшими средневековые замки в окружении рвов, высоких оград, увенчанных спиральями из колючей проволоки, и пятнадцатиметровых вышек, расставленных в стратегических местах у каждого поворота ограды. В конце долгой дороги находился Региональный медицинский центр (РМЦ), который своим названием мог ввести посетителей в заблуждение. РМЦ – лечебница строгого режима для осужденных за сексуальные и насильственные преступления. Тамешние 250 коек приютили опаснейших преступников Канады. Это и было мое новое место работы.

Мне было двадцать три, первый год в аспирантуре. По дороге в тюрьму рано утром я думал, что совершенно не готов к тому, чтобы интервьюировать ее обитателей, заключенных за тяжкие преступления. Несколько предыдущих лет я делил время между изучением научной литературы о психопатах, курсом методов визуализации мозговых структур и участием в исследовании электрической активности мозга косаток в процессе слухового восприятия, аналогичного такому процессу у человека, хотя это исследование и было мало связано с предыдущими двумя. Меня все больше затягивало изучение психопатии, и я с энтузиазмом учился у своего научного кумира – отца-основателя современных исследований психопатии профессора Роберта Д. Хэра, к которому я незадолго до того поступил в аспирантуру. Но сейчас, проходя через рамку металлодетектора у входа на окруженную колючей проволокой территорию тюрьмы, я замедлил шаг и задумался, как я вообще до такого дошел. Я собирался в одиночку взяться за опасную задачу: проводить углубленные интервью со свирепейшими осужденными преступниками, многие из которых признаны психопатами. После интервью я планировал проверить их электроэнцефалограммы (ЭЭГ), измеряя электрические импульсы мозга в ответ

на эмоционально заряженные слова, – эти данные помогли бы нам понять связи между процессами, проходящими в мозге психопата, и его поведением.

Я прошел через пропускной пункт, где бледный сухопарый охранник с таким видом, будто полвека провел за решеткой, вручил мне бейдж с моим именем и сказал, как пройти в психиатрическое отделение. Уже со знакомым грохотом снова лязгнул и разблокировался замок на тяжелой, обшитой свинцом двери. Я чуть подтолкнул ее вперед. Делая первые шаги в этом новом окружении, я улыбался, потому что мне не пришлось проходить полный досмотр полостей тела, который заботил меня больше всего. Я отметил про себя, что надо расквитаться с другим аспирантом, который меня убеждал, что в канадских тюрьмах принято полностью досматривать новых сотрудников.

Пока я шел от административного входа в психиатрию, заключенные в белых футболках, джинсах и темно-зеленых куртках слонялись между прачечной, парикмахерской и часовой. Внутри пахло дезинфекцией, и мне подумалось: интересно, чем они отчищают кровь.

Я вошел в большое зловещего вида здание и стал блуждать по коридорам, как потерявшийся мальчишка, пока не наткнулся на дверь кабинета с табличкой «Д-р Бринк». Там, почему-то отвернувшись от открытой двери, практически напрашиваясь на то, чтобы я потихоньку проскользнул внутрь и застал его врасплох, сидел главный психиатр доктор Йохан Бринк. Я познакомился с доктором Бринком всего три месяца назад в Институте перспективных исследований по психиатрии при НАТО. Это было в Португалии, в Алворе. За обильными ужинами и возлияниями я уговорил доктора Бринка сотрудничать со мной в моем исследовании ЭЭГ психопатов. Он помог мне добиться утверждения моей программы в тюрьмах и университетской комиссии по этике. Со всеми этими разрешениями на руках я негромко постучал по дверному косяку его кабинета. Он развернулся, не так уж чтоб испуганный, и приветствовал меня широченной улыбкой.

– Кент, рад вас видеть! Милости просим к нам в тюрьму! – проревел он с заметным южноафриканским акцентом.

Йохан проводил меня по коридору и показал кабинет, в котором был только стол с телефоном и два стула по обе стороны стола. Прямо посреди стены, где-то на уровне груди, бросалась в глаза ярко-красная кнопка размером с серебряный доллар.

– Я вам советую сесть на стул поближе к двери; на всякий пожарный, мало ли, вдруг кого-нибудь разозлите, тогда можно будет быстро выбежать. Все лучше, чем застрять по ту сторону стола. Если не сможете выбраться, бейте по кнопке, должна прибежать охрана.

Он говорил так беззаботно, что я не мог не подумать, не смеется ли он надо мной.

– А вот ваш ключ – не потеряйте!

Он дал мне 15-сантиметровый латунный ключ с большими зубьями необычного и устрашающего вида. Такие ключи производят только две компании в мире специально для тюрем. Он открывает там большинство замков.

Доктор Бринк показал на большую дверь в конце коридора.

– Камеры там. Сейчас мне пора бежать, можем встретиться вечером, ладно? – договорил Йохан с улыбкой, уже повернувшись.

Я вставил свой новый ключ в замок на уровне плеч и услышал негромкое, как мне показалось, «Успехов!», когда он плотно закрыл дверь своего кабинета – безусловно, чтобы следующий посетитель за ним уже не подглядывал.

Я открыл дверь в коридор, ведущий к камерам, развернулся, закрыл ее, вставил ключ с другой стороны и повернул тяжеленный замок на 180 градусов. Потом я потянул ручку, удостоверившись, что дверь заперта, глубоко вдохнул и пошел по 30-метровому коридору в жилой блок.

Я подошел к «пузырю» – круглому помещению охраны с односторонними тонированными окнами без видимых дверей. От нее, словно спицы колеса, отходили четыре кори-

дора, по которым слонялись заключенные строгого режима, холодно поглядывая на меня. Я не боялся, скорее беспокоился о том, согласится ли кто-нибудь из них разговаривать со мной. Для подготовки профессор Хэр накануне вручил мне потрепанный экземпляр книги о тюремной жизни под названием «Игры, в которые играют преступники» и сказал: «Сначала прочтите вот это, и удачи завтра!» Это было боевое крещение: пан или пропал. «Надо было прочитать ее вчера», – подумал я.

В конце коридора находилось небольшое помещение со стеклянными окнами и полудверью; там медсестра раздавала стоявшим в очереди заключенным бритвенные станки. Она с любопытством посмотрела на меня и поманила рукой.

– Я могу вам помочь? – настороженно спросила она.

– Я тот парень из УБК, исследователь. Я пришел записать кого-нибудь на интервью и ЭЭГ.

УБК – это Университет Британской Колумбии, где я учился в аспирантуре на докторскую степень и изучал психологию и нейронауки. ЭЭГ – это электроэнцефалография (и электроэнцефалограмма тоже), то есть запись электрической активности мозга при помощи неинвазивных сенсоров, прикрепляемых к голове, эта активность усиливается и записывается на компьютер для последующего цифрового анализа.

– Тогда заходите, поговорим.

Я перегнулся через полудверь и поискал задвижку.

– Слева, – сказала она.

Я нашел задвижку, открыл дверцу, вошел и сел на ближайший стул. Медсестра закончила раздавать бритвы, повернулась и поглядела на меня.

– Заключенным дают бритвы? – озадаченно осведомился я.

– Ага, – сказала она и засмеялась, – и они часто пропадают. А я не спрашиваю, куда они деваются.

Я понял, что совет доктора Бринка – сидеть во время интервью поближе к двери – очень разумный.

Дороти Смит двадцать лет проработала в тюрьме строгого режима. Несмотря на долгое пребывание в тюрьме, ее никак нельзя было назвать выдавшей виды. Ее стройность и спортивная подтянутость довершались обаятельным характером, который располагал к себе даже самых закоренелых уголовников. Она станет одним из моих ближайших друзей в те семь лет, которые я мотал по канадским тюрьмам. И ей тоже, как и мне, было интересно узнать, что творится в голове у психопатов.

– Я вам выберу для первого разговора кого-нибудь посимпатичнее, – сказала Дороти, глядя на схему расположения камер, приклеенную скотчем к шкафчику.

Я проследил за ее взглядом и увидел заключенных с подписанными данными: фамилия, имя и преступление. Покушение на убийство, изнасилование с убийством, поджог с убийством, убийство троих, убийство с изнасилованием. Интересно, подумалось мне, «изнасилование с убийством» и «убийство с изнасилованием» – это одно и то же или нет? Я хотел было спросить у Дороти, но передумал. На самом деле мне не хотелось знать; для первого дня мне и без того было достаточно.

Заключенный, которого она выбрала, по имени Гордон¹, казался довольно вежливым, когда сел на стул у дальней стены кабинета. Сорок два года, седые редующие волосы, тихий голос; под его снимком значилось: покушение на убийство.

Обаятельный тип Гордон оказался серийным грабителем банков. Он поведал мне, что его преступные занятия позволяют ему вести шикарный образ жизни, включая международные

¹ Я изменил имена и описания своих собеседников, чтобы не раскрывать их анонимность.

авиаперелеты первым классом, места в первых рядах на хоккее, подружек и проституток в разных городах. Когда Гордона арестовали в последний раз, ему пришлось объяснять полиции, откуда у него больше 75 тысяч долларов наличными, притом что официально он безработный. Вместе со своим адвокатом он заключил сделку и получил иммунитет на всей территории Канады с условием, что поможет полиции раскрыть несколько ограблений. Количество ограблений, в которых лично участвовал Гордон, приближалось к пятидесяти, но ни по одному из них ему не предъявили обвинения. Он рассказал мне, как обследовать город, потом тамошние банки, как войти и выйти меньше чем за минуту, как угнать машину и как отмыть деньги. Я спросил, как банку застраховаться от ограбления. Он несколько часов излагал мне свои идеи. Я даже начал записывать, как лучше организовать банк. «Может, – подумал я, – если с научной карьерой не выгорит, буду консультировать директоров банков».

Интервью с Гордоном было спланировано так, чтобы охватить все сферы его жизни. Мы обсудили его воспитание, образование, родственников, друзей, спортивные занятия, опыт работы, карьерные цели, финансы, здоровье, интимные и романтические отношения, наркотики и алкоголь, импульсивное поведение, чувства, антиобщественные поступки и его уголовные преступления. Обычно на интервью требуется от одного до трех часов. С Гордоном я проговорил шесть. Мы изучили все подробности его жизни. Это было увлекательно; если бы я к тому времени еще не определился с предметом изучения, то точно определился бы тогда.

Разговор с Гордоном о его опыте работы оказался коротким. Гордон с десятков раз устраивался на работу, но нигде не задерживался дольше месяца. Его постоянно увольняли, потому что вместо работы он предпочитал подстраивать розыгрыши, долго обедать, выпивать и играть в азартные игры. В основном он устраивался на строительство или в автомастерские (по его признанию, туда он шел, чтобы научиться лучше угонять машины). Когда я спросил его о планах на будущее, Гордон сказал, что хотел бы на оставшиеся награбленные деньги открыть собственное дело – продавать мотоциклы. Однако он не смог в полной мере осознать все юридические (и налоговые) следствия своего почина.

Когда мы разговаривали о его финансах, Гордон признался, что редко пользовался услугами банка.

– Боялись, что кто-нибудь его ограбит? – поддел я.

– Да нет, – ослабилась он, – просто не люблю объяснять, откуда у меня наличные.

– А где же держать деньги, если не в банке?

– Я их зарываю в разных местах, – ответил он со смешком, – нельзя же после дела вот так просто разъезжать с сотнями тысяч долларов. Или отправляю посылками в пятизвездочные отели где-нибудь в Азии, Европе или Южной Америке, где у меня забронирован номер на чужое имя; а могу отправить подружке в другой город, сказать ей, мол, это подарок, только не открывай его до моего приезда, всякое такое. Когда приезжаешь в гостиницу, надо всегда быть начеку и смотреть, чтобы копы за тобой не увязались. Обычно я меняю внешность и все осматриваю. Я предпочитаю сначала отправить посылку, чтобы она пришла на следующий день, прилететь и проследить за доставкой – убедиться, что полиция ничего не пронюхала. Я потерял не больше пары посылок.

Он помолчал, потом опять засмеялся и рассказал, как несколько лет назад отправил 50 тысяч наличными одной проститутке. Она так и не приехала за ним в аэропорт, и вообще он больше ее никогда не видел.

– Я ведь знал, что нельзя ей доверять... Раньше в аэропорту можно было пронести пояс с деньгами, но сейчас с этим сложнее, риска больше, – размышлял он. Потом продолжил: – Иногда я использовал мулов, но вообще предпочитаю забраться куда-нибудь подальше и прятать. Тогда уже я точно знаю, что все денежки будут на месте, когда за ними приду. У меня полно хороших мест для нычек, но я об этом не распространяюсь.

Мы вернулись к разговору о его взглядах на отношения, семью и друзей. Гордон был одиночкой; он никогда не чувствовал потребности в близких отношениях. У него были сотни сексуальных связей начиная с 11 лет. Я спросил его, был ли он когда-нибудь влюблен, и он тут же широко заулыбался и вспомнил, как однажды проводил время сразу с тремя проститутками – целую неделю.

– Эх, я их всех любил, – сказал он и глубоко вздохнул, вспоминая.

Гордон приравнивал любовь к хорошему сексу. Он был шесть раз женат – в разных странах и под разными именами. На мой вопрос, зачем женился, он ответил:

– Девчонки это любят, секс обеспечен на какое-то время, и их легче уговорить что-нибудь перевезти или припрятать краденое.

Гордон признался, что проститутка, которой он отправил 50 тысяч и больше ее не видел, была его женой номер три.

Он уже много лет не разговаривал с родными; когда в последний раз встречался с сестрой, он узнал от нее, что у них все в порядке, не жизнь, а «мечта про белый заборчик». Заключение, когда они рассуждают, как скучно и утомительно вести обычную жизнь, работать на простой работе, иметь семью и дом, называют это синдромом «белого заборчика». На самом деле большинство сидящих в тюрьме сознаются, что были бы очень счастливы выйти из тюрьмы и жить в доме за белым заборчиком; психопаты, однако, этого понять не в состоянии – они смеются над теми, кто хочет жить такой монотонной жизнью.

Гордон считал всех остальных ненадежными людьми, но при этом был обходителен, общителен, остроумен и словоохотлив. Я не всем его историям поверил – психопаты часто лгут, – поэтому мне пришлось положиться на интуицию и позднее просмотреть его личное дело. Нельзя быть уверенным, что психопат говорит правду, надо тщательно изучать его документы, чтобы проверить все им сказанное. Если поймать его на лжи, нужно быть готовым прямо сказать об этом и наблюдать, как он отреагирует. Просто садись на стул поближе к двери – на случай если он разозлится.

Еще через час разговоров о его детстве я стал задавать вопросы, что ему нравилось делать ребенком. Он вырос в Эбботсфорде, недалеко от тюрьмы, в которой мы беседовали. Городок притаился у гор Британской Колумбии, и оттуда на юго-востоке открывается великолепный вид на гору Бейкер, и в округе полно замечательных мест для рыбалки и троп для пешего туризма и любителей горного велосипеда. Гордон рассказывал мне о любимых местах на дальних озерах, где удил рыбу, о прекрасных видах. Он похвастал пойманной рыбой громадной величины – соврал, как я подумал. Он любил гулять там в одиночку, даже когда был ребенком. Рассказав мне о некоторых излюбленных местах, куда он ходил еще в детстве, Гордон внезапно смолк, посмотрел на меня, затем в камеру, снимавшую наше интервью, и сказал:

– Отлично сделано. А ты малый не промах. Заставил меня говорить про всякие места, где я любил гулять и рыбачить мальчишкой, чтобы выяснить, где я припрятал свое добро. Из меня несколько лет пытались это выудить. Ну ты и проныра. – Он засмеялся.

Я тоже засмеялся и сказал, что все подробности его детства – необходимая часть интервью. Я блефовал. Как только он рассказал, что зарывал награбленное, я постарался так повести беседу, чтобы он выдал мне свои места. Я знал, что Гордон большую часть взрослой жизни провел в тюрьме, и решил, что места, где он стал бы прятать свое добро, он должен был знать еще с детства. Притом я воспользовался его преувеличенным мнением о себе, чтобы он разболтал мне о своем «большом улове».

Главным моим мотивом было желание усовершенствовать технику интервью – сумею ли я заставить объект говорить, о чем нужно? Однако я не мог отделаться от размышлений, как бы адресовать мою черную немецкую овчарку, чтобы она выискивала кокаин. На очень многих 20- и 100-долларовых купюрах есть остатки кокаина, потому что ими часто пользуются,

чтобы его нюхать. Определенно пешие прогулки стали бы гораздо увлекательнее, если бы собака могла выкопать целый мешок денег!

Под конец интервью я попросил Гордона рассказать о его последнем преступлении. Видимо, он хорошо умел грабить банки и довольно плохо держать себя в руках. У Гордона был «слабый поведенческий контроль» – еще одна классическая черта психопата; он постоянно встречал в перепалки, которые перерастали в драки, – иногда практически без повода. Сейчас он сидел в тюрьме за то, что чуть не убил любовника одной из своих подружек. Он заподозрил, что она встречается с кем-то еще, выследил ее и застукал с поличным. Слово за слово, Гордон ранил того, другого, ножом. На следующее утро его арестовали. Надо сказать, что в тюрьме Гордон вел себя вполне прилично. Он знал, что за драку в тюрьме можно оказаться в карцере или получить дополнительный срок, и поэтому держал себя в руках. Он хотел выйти как можно быстрее, чтобы откопать все зарытое.

После ухода Гордона я достал свой экземпляр Руководства по применению исправленного перечня психопатических черт Хэра (ИППЧ)^[1]. Перечень психопатических черт, составленный профессором Хэром, – это инструмент, которым мы пользуемся в полевых условиях для оценки психопатии. Он состоит из двадцати пунктов, описывающих основные признаки психопатии: например, отсутствие эмпатии, чувства вины и раскаяния, болтливость, поверхностность, склонность к паразитизму, скудость эмоций, безответственность, импульсивность. Эти черты нужно оценивать на протяжении всей жизни человека и во всех ее областях. То есть, чтобы зафиксировать «отсутствие эмпатии» по перечню, нужны свидетельства, что эта черта присутствует во всех аспектах жизни – дома, на работе, в школе, в общении с родными, друзьями и возлюбленными. Каждый из двадцати пунктов оценивается по трехбалльной шкале: 0 – неприменимо; 1 – применимо в некоторой степени и 2 – безусловно применимо во многих отношениях. Так, можно получить от 0 до 40 баллов, а клинический диагноз психопатии достается тем, кто набирает 30 и выше. Заключение в среднем набирают 22 балла. Обычный житель США и Канады, не сидевший в тюрьме, наберет в среднем 4 балла из сорока.

Гордон набрал 31 балл. Он был моим первым психопатом.

Я закончил свои заметки с обоснованием оценки Гордона по Перечню психопатических черт, проглотив два бутерброда с арахисовым маслом и вареньем, которые приготовил накануне вечером. Мне нужны были силы для следующего интервью. Тяжело несколько часов сосредоточенно беседовать с заключенными, постоянно соблюдая осторожность, пока стараешься получить необходимую информацию, вызвать на откровенность и следить за дверью, чтобы всегда при необходимости иметь возможность выскочить наружу.

Я вернулся в жилой блок, и ко мне подошел сокамерник Гордона и мой второй собеседник Грант. Гордон сказал ему, что со мной «забавно» разговаривать, и предложил ему «попробовать» пообщаться со мной.

У Гранта была совершенно обычная внешность и манеры, которые подошли бы продавцу машин, если не обращать внимания на лихие татуировки, спиралью покрывавшие его руки. Он с самого рождения был связан с пенитенциарной системой: мать родила его в тюрьме, а теперь он отсиживал пятнадцать лет за два убийства, которые совершил в тридцать. Гранта осудили за непредумышленное убийство двух сообщников по ограблению. По-видимому, они не поделили добычу. Мелькнули ножи, но куда им было против 9-миллиметрового пистолета Гранта.

– Бах-бах... бах-бах... и двое готовы, – продемонстрировал он, выставив указательный палец, как дуло пистолета. – Одна из моих лучших разборок.

Об убийствах он рассуждал так спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся, и я даже поймал себя на мысли, а не врет ли он. Личное дело все подтвердило: два выстрела в «корпус» обоих подельников. Грант получил от пятнадцати лет до пожизненного, главным образом благодаря сделке с обвинением: у них было недостаточно улик, чтобы обвинить его в умыш-

ленном убийстве, а оружие преступления он выбросил. Что интересно, он подробно рассказал, как избавлялся от своего любимого «Глока-17» с увеличенной емкостью магазина. Сначала он хотел заявить о своей невинности, но адвокат сказал, что проститутка, которой он заплатил, чтобы она обеспечила ему алиби, скорее всего, сломается под перекрестным допросом в суде.

Я поинтересовался, совершал ли он что-нибудь противозаконное, за что его не ловили, и Грант засмеялся как-то по-детски проказливо и сказал:

– Да много чего... поджигал, грабил, влезал в дома, угонял машины, подделывал чеки и кредитки, ну и, само собой, кое-где еще лежит парочка покойников.

Он застрелил нескольких незнакомых людей, которые, по его словам, лезли куда не надо, и утопил по меньшей мере одну подружку в бассейне... и тут до меня дошло, что я сижу напротив настоящего серийного убийцы, хотя и необычайно дружелюбного.

В конце концов я вытянул из Гранта признание, что он убил десятерых. Как ни удивительно, он никогда их не считал; фактически выкинул их из головы. Я попробовал вписать убийства Гранта в классический профиль серийного убийцы, но они никак не вписывались. Большинство серийных убийц в их деяниях движет тяга, как правило связанная с сексуальным доминированием или садизмом. Такие серийные убийцы, как Тед Банди, соответствуют критериям психопатии, и вдобавок им свойственна парафилия (расстройство полового влечения), например садизм. Первым объясняется отсутствие эмоций, эмпатии и чувства вины, а вторым – склонность к убийствам. Если соединить психопатию с парафилией, получится очень опасный человек. К счастью, таких людей совсем немного.

У Гранта не было сексуальных расстройств вроде садизма. Он описывал сравнительно нормальную половую жизнь. Да, он сознался, что бывал с женщинами довольно груб, но само причинение боли его не возбуждало. На самом деле большинство жертв Гранта – мужчины. Казалось, он легко прибегает к насилию, быстро и без особых раздумий. Ему повезло, что его поймали только на двух из десяти убийств.

В оставшееся время я узнал, что Грант еще с ранней юности влипал в неприятности, много раз попадал в полицию, часто дрался и не мог или не хотел остановиться ни на одном роде занятий, профессии или месте работы дольше пары месяцев. Он получал социальные пособия под разными именами, несколько раз был женат, зачал четырех детей – по крайней мере, сколько вспомнил. Этот последний пункт довольно любопытен. Грант не помнил, когда родились его дети, и вообще знал по имени только двоих. Он вел жизнь кочевника, переезжал с места на место – часто по малейшей прихоти, жил в своем фургоне, в палатке, иногда съезжался с женщинами, иногда они беременели, и он неизменно отправлялся на поиски новых приключений.

Психопаты редко в подробностях осведомлены о своих детях. Как Грант, они часто даже не знают, сколько их всего. Потом, в ходе исследования, мне станет ясно, что отсутствие связей с детьми у психопатов – это одна из самых ярких черт личности.

Уже вечерело, так что я быстро свернул наше интервью и сказал Гранту, что, может быть, захочу попозже обсудить что-нибудь еще. Он встал, протянул руку, и мы обменялись рукопожатиями.

– Давайте сделаем это еще раз, – сказал он. – Мне понравилось.

И он вышел с таким видом, будто только что дал пресс-конференцию.

В некоторой растерянности я сел на место и достал свой ППЧ-Р, чтобы посчитать баллы Гранта. Откинувшись на спинку стула, я на мгновение задумался, не сплю ли я. День казался каким-то нереальным; я столько лет читал о психопатах в книжках и вот наконец-то провел два первых интервью.

Грант получил по перечню 34 балла. Два попадания из двух.

Я закончил записывать и положил видеокассеты с интервью в шкаф под замок. Мы все записываем на видео, чтобы другой научный сотрудник тоже мог оценить исследу-

емого по шкале психопатии. Таким образом все перепроверяется, и можно гарантировать, что на оценку не повлияло предвзятое отношение интервьюера к собеседнику.

Я закрыл и запер дверь, положил свой здоровенный ключ в ближайший ящик (он не должен покидать учреждения) и направился к доктору Бринку.

Дверь его кабинета была закрыта; он печатал что-то на компьютере, все так же сидя боком к двери. Я тихонько постучал в окошко. Он обернулся, улыбнулся и встал, чтобы меня впустить.

– Как прошло?

– Отлично. Примерно как я себе и представлял, только лучше, – ответил я. – Вообще без проблем. Все идет как по маслу. Я познакомился с Дороти, провел два интервью и получил наводку на других заключенных, поговорю с ними завтра. Готов ехать домой и выпить пива.

– Замечательно. Ну что ж, не буду отвлекать вас от вашего пива. Развлекайтесь до выходящих и заходите, если что-нибудь понадобится, – сказал Бринк.

Я пошел назад по лабиринту коридоров, мимо часовни, прачечной и парикмахерской. Все опустело к шести вечера, заключенные уже сидели в запертых на ночь камерах. Было тихо, почти безмятежно – пока я не вздрогнул от лязга замка, когда открылись последние ворота. Я вышел, и меня охватило ощущение свободы. Никогда не забуду первого дня в тюрьме. И как мне станет ясно в последующие годы, каждый раз, выходя из тюрьмы, я буду испытывать чувство некоего облегчения, оттого что снова на воле.

Я сел в свою «тойоту» и отправился в дальнюю дорогу до Ванкувера. В тот день, когда начиналась моя тюремная эпопея, у моего пикапа пробег был 64 тысячи километров. Когда через несколько лет я закончу это исследование, он пробежит уже 450 тысяч километров – «лунную единицу», как я это назвал: потому что, разъезжая взад-вперед по тюрьмам, я проехал дистанцию, равную расстоянию между Землей и Луной (384 400 километров).

По пути домой я не мог отвязаться от мысли, как можно было лучше провести интервью. Я обдумывал свои методы, пытался сообразить, как вытянуть больше подробностей от заключенных, как облегчить подсчет баллов по перечню. Я понял, что мне надо отредактировать готовое полуструктурированное интервью, которое шло вместе с Перечнем психопатических черт, и найти верный баланс между двумя задачами: узнать максимально много деталей из всех сфер жизни заключенных и при этом их не разозлить. Когда я через полтора часа подъехал к дому, у меня уже было с десятков новых вопросов.

Я открыл калитку, и со двора из-за угла дома мне навстречу выбежал Джейк, моя 50-килограммовая черная овчарка. При виде его мне вспомнилась моя мысль адресировать его на кокаин, чтобы отыскать награбленное и припрятанное моим новым другом.

Я снимал жилье вместе с Андреасом, голодающим художником и любителем поговорить. Он уже вернулся домой после двойной смены в «Старбаксе».

– Принес неликвид? – спросил я Андреаса.

– А то, – сказал он, показывая на распухший рюкзак, брошенный в углу гостиной.

Несколько месяцев тому назад Андреаса сделали менеджером смены в «Старбаксе», в обязанности которого входило следить за сроком годности кофейных зерен, из которых там варили кофе. Зерна с истекшим сроком он должен был выбрасывать. Но они были еще совершенно нормальные. У Андреаса не поднималась рука вынести их на помойку, поэтому он приносил их домой, где они украшали гостиную нашей маленькой квартирki, словно кресла-груши. Вскоре у нас в гостиной накопилось больше 50 килограммов кофе. В конце концов я уговорил Андреаса с ним расстаться, и он стал рассылать его родственникам и друзьям по всей Канаде.

– Как прошел первый день? – чуть нервно спросил Андреас.

– Изумительно. Проинтервьюировал своего первого в жизни серийного убийцу.

– Не знаю, как у тебя это получается... я бы с ума сошел, – сказал он.

Меня часто спрашивают: «Как у тебя это получается?» И еще чаще: «А какие они, психопаты?» Но на самом деле все хотят знать: «Откуда у тебя вообще взялся этот интерес к психопатам?»

Я вырос в Такоме, в штате Вашингтон, всего в нескольких кварталах от того места, где рос Тед Банди. Мой отец был журналистом и главным редактором местной газеты «Такома ньюс трибюн». Я был совсем ребенком, когда в 1970-х прошумела история Теда Банди; отец приходил домой и пересказывал все то, что готовил для печати, о ребенке, который жил в нескольких домах от нас. Мы сидели за обеденным столом и гадали, как такой человек мог вырасти в нашем сонном пригороде для среднего класса. И правда, как? Эта мысль, словно семя, засела у меня в голове, дожидаясь подходящего момента, чтобы прорасти.

В старших классах я особенно не увлекался учебой. В основном у меня были четверки, и я предпочитал заниматься спортом: американским футболом, тяжелой атлетикой и бегом. Отец очень повлиял на мои спортивные успехи. Он не пропускал ни единого моего спортивного соревнования – за двенадцать лет бейсбола, десять футбола, четыре года американского футбола и четыре легкой атлетики. Он был спортивным журналистом и мог наизусть отбарабанить всю статистику по каждому профессиональному бейсболисту. Он родился с мышечным заболеванием, которое называется немалиновой миопатией. У него было недостаточно мышечных волокон, чтобы самому заниматься спортом, но это никак не сказалось на его энтузиазме. Он много лет тренировал мою бейсбольную и футбольную команды. Когда я перешел в старшие классы, в футбольный сезон он ходил на матчи наших соперников и подсказывал мне, как подготовиться к игре с очередной командой. Он был не меньше увлечен, чем мои школьные тренеры.

Родители очень много работали, чтобы отдать своих четверых детей – меня и трех моих сестер – в лучшую частную школу штата. В подготовительной школе в Беллармине работали очень увлеченные учителя, создавшие удивительную атмосферу общности. 98 процентов моего выпускного класса продолжили образование в университете, и я поступил в колледж, только чтобы не быть хуже одноклассников. Но приняли меня благодаря спорту.

Я обратился в несколько колледжей, и меня взяли в команды по американскому футболу Вашингтонского университета, Университета штата Вашингтон, и др. Дон Джеймс, тренер Вашингтонского университета, разрешил мне приходить и играть в его команде, но сказал, что вряд ли я попаду в первый дивизион за четыре года. Джеймс считал, что при спортивном росте я стану неплохим ресивером или открытым сейфти. В старшую школу я пришел щуплым, ростом метр восемьдесят и весом 68 килограммов, а в выпускной год играл уже здоровяком метр девяносто ростом и 93 килограмма весом. Джеймс сказал, что, если я хочу играть все четыре года в колледже, мне можно подумать о лучшей программе второго дивизиона – в то время за ней нужно было идти в Калифорнийский университет в Дэвисе.

Я послал свои записи тамошним тренерам, и меня взяли. Они же помогли мне с поступлением в университет, и я решил отправиться в Калифорнию.

Моя футбольная карьера оказалась короткой; уже в конце первого года в команде Дэвиса меня подвело колено. После годовой реабилитации моя мечта ловить мячи и этим зарабатывать на жизнь окончательно рухнула. Я обратился к доктору Дебре Лонг, профессору психологии и своему наставнику. Одной из лучших вещей в Дэвисе в смысле научной работы было то, что там поощрялось тесное сотрудничество студентов с преподавателями. В первые два года обучения я много работал с доктором Лонг, и она очень хорошо меня узнала. Когда в конце второго года я пришел к ней за советом, она сказала: «Кент, у тебя научный склад ума; поезжай куда-нибудь на выходные, возвращайся в понедельник и назови мне пять вещей, которые бы ты хотел изучать. Думаю, тебе надо подумать о том, чтобы стать ученым».

По ее словам, у меня слишком много энергии для обычной работы с девяти до пяти. Мне нужна карьера, сказала она, а не работа. Я думал все выходные и, вернувшись, показал ей свой список предметов, которые мне хотелось бы изучать: 1) мозг, 2) психопаты (под влиянием своего детского любопытства, вызванного Тедом Банди), 3) косатки (это семя тоже сидело во мне еще с детства, с того раза, когда косатка посмотрела мне прямо в глаза, когда мы с отцом рыбачили в Пьюджет-Саунд), 4) педагогика и 5) женщины. Последний пункт ее порядком насмешил.

Доктор Лонг позвонила еще нескольким преподавателям: доктору Майклу Газзаниге, основоположнику когнитивной нейронауки (науки о том, как мозг обрабатывает информацию), и доктору Джорджу Мэнгану, который исследовал процессы внимания. Они оба вместе со своими лабораториями только что переехали в Дэвис из Дартмутского университета. Доктор Лонг сказала им, что хотела бы послать к ним одного своего целеустремленного студента. Потом она позвонила доктору Кэролин Олдвин с кафедры человеческого развития. Кэролин была замужем за доктором Майклом (Риком) Левенсоном, преподавателем и ученым, который, помимо других расстройств, занимался и психопатией. Еще она устроила мне возможность послушать лекцию Майкла Шимански, аспиранта, исследовавшего электрическую активность мозга косаток. Вот это да! Когда мы с доктором Лонг пересекаемся, я обязательно ставлю ей выпить. Все, с кем она тогда связалась, стали моими наставниками и друзьями на всю жизнь, а в конечном счете и оказали мне честь называть меня коллегой.

Моя жизнь преобразилась. Я понял, что нашел свой путь в жизни. Я хотел стать профессором и узнать о психопатах все, что только возможно. Я хотел овладеть методами нейровизуализации и рассказать всему миру, чем отличаются психопаты от остальных людей и что творится у них в голове.

Я перестал тусоваться и серьезно взялся за учебу. У меня была сотня приятелей, а осталось три-четыре хороших друга. Я учился на четверки, а стал на одни пятерки. Мне посоветовали, что если уж я хочу заняться психопатией, то надо идти в аспирантуру к самому выдающемуся в этой области ученому – профессору Роберту Хэру из Университета Британской Колумбии.

Вот как я пошел по тому профессиональному пути, который и привел меня в тюрьму строгого режима.

День второй

Заруливая на парковку перед Региональным медицинским центром, я видел, как вдали всходит солнце над горой Бейкер. Я подхватил с пассажирского места рюкзак и пошел к воротам.

Все тот же дряхлый охранник, который впускал меня накануне, сегодня тоже дал мне пройти через металлодетектор, даже не взглянув. Я остановился и постучал по окну.

– Вы забыли дорогу? – продребезжал голос в динамике.

– Нет. Я подумал, что вы не откажетесь взять немножко кофе.

Я поднял руку с полукилограммовым мешком «старбаксового» кофе (с разрешения моего друга Андреаса). Тут же лязгнул замок, и дверь раскрылась.

– Само собой, – сказал он. От улыбки его лицо покрылось морщинками. – Большое спасибо!

Я распахнул тяжелую входную дверь и направился к себе в кабинет. Я прошел не больше двадцати шагов, когда из прачечной появился Грант с мешком чистой одежды.

– Привет, Кент, – сказал он. – Есть минутка?

– Есть, – сказал я, – что такое?

На лице Гранта обозначилось беспокойство. Он оглядел коридор в обе стороны и, увидев, что никого нет, сказал:

– Не знаю точно, что ты сделал, но прошел слух, будто ты не нравишься одному типу, насильнику. Его зовут Гэри. Держись от него подальше. Понял?

Он отстранился и зашел обратно в прачечную.

– Ясно, – еле выдавил я.

В моей голове закрутились мысли обо всем, что было вчера. Но я не мог вспомнить ничего такого, что могло бы разозлить заключенных. Мне это было нужно, как рыбе зонтик.

РМЦ делится на несколько жилых блоков. На западной стороне комплекса располагается крыло примерно на тридцать коек для заключенных с серьезными психическими болезнями, например шизофренией. Как правило, они не смешиваются с остальными, потому что очень больны. Другие жилые помещения находятся в двухуровневом комплексе с четырьмя крыльями, отходящими от центра. В четырех крыльях первого уровня содержатся умственно отсталые заключенные. Это люди с низким коэффициентом интеллекта и другими умственными трудностями. Верхние четыре крыла разделены попарно: на терапевтическую программу для совершивших насильственные преступления и программу для совершивших преступления на сексуальной почве. Во всех четырех крыльях содержится от двадцати до сорока заключенных в зависимости от того, какие койки там стоят – обычные или двухъярусные. Обе программы верхнего уровня работают по схеме ротации: каждые три месяца туда поступают двадцать пять новых заключенных после того, как предыдущие завершат девятимесячную программу терапии. Такой график дает постоянный поток заключенных для моих исследований.

Обычно насильники и тому подобные отделены от остальных преступников. Это делается потому, что в тюремной иерархии заключенных, совершивших преступления против женщин, другие презирают. На самой низкой ступени стоят те, кто совершил насилие над ребенком, и они часто сами становятся жертвами насилия в тюрьмах. Поэтому для их безопасности и безопасности сотрудников (которым, возможно, придется защищать их от нападения) насильники содержатся отдельно от остальных.

Однако в РМЦ насильники и те, кто совершил другие тяжкие преступления, проходят терапию по одному и тому же графику и смешиваются друг с другом. Порой это приводит к конфликтам, но, поскольку все заключенные участвуют в программе лечения добровольно, как правило, они ведут себя гораздо лучше, чем в иной ситуации. Для большинства программа

лечения в РМЦ – шаг к досрочному освобождению, так что они весьма терпимо относятся к изменениям тюремного распорядка.

Словом, во время работы в РМЦ я обнаружил, что обычные преступники довольно часто общаются с насильниками.

Я дошел до кабинета как в тумане. Я никак не мог уразуметь, какие мои действия могли спровоцировать заключенного.

Я решил избегать этого Гэри, пока не разберусь, что делать.

Я добавил в свой план интервью по ППЧ десяток новых вопросов и распечатал два экземпляра. Взял бланки согласия на участие в исследовании и мешок с кофе. Достал латунный ключ из ящика и инстинктивно сжал его в руке, имитируя прием самообороны, которому учат женщин, чтобы они могли защититься от нападения с помощью ключей от машины.

Потом я пошел в жилой блок и направился прямо к медпункту, не дожидаясь приглашения. Я просто отпер дверь и вошел, убедившись, что за мной никто не войдет. Мешок с кофе я вручил Дороти. По ее лицу расплзлась улыбка, она взяла кофе и сразу же заварила.

– Приятная неожиданность, – сказала она. Потом повернулась и посмотрела на меня: – Что-то случилось?

Дороти отличалась первоклассной интуицией клинициста и умением читать по лицам, отточенным за двадцать лет работы с заключенными. Мне подумалось, что, пожалуй, против нее не стоит садиться играть в покер.

– Э-э... вы знаете насильника по имени Гэри?

– Разумеется, – сказала она. – Вон он. Драчун.

Я не знал, что мне делать после такого заявления Гранта. Я обещал никому ничего не говорить и не был уверен, что могу поделиться деталями, которые он мне рассказал. Решил сохранить разговор в тайне, но посчитал, что, если я спрошу Дороти о Гэри, вреда не будет.

Дороти рассказала, что Гэри вечно что-то замышляет. У него были трения с руководителем групповой терапии; недавно он пробил стену, поскандалив с терапевтом (видимо, медики были рады такому результату, ведь для Гэри прогресс, что он ударил стену, а не врача); его застукали, когда он варил брагу (зелье из дрожжей, фруктов и воды, из которых после брожения получается алкогольный напиток, и его обычно хранят в бачке унитаза); кроме того, подозревали, что он избил нескольких заключенных, хотя никто на него не жаловался.

Под снимком Гэри в списке на шкафчике Дороти я прочитал, что он получил пятнадцать лет за два изнасилования. Он уже отсидел четырнадцать и вскоре должен был выйти. В РМЦ он находился потому, что канадский департамент исполнения наказаний решил его полечить, прежде чем его придется выпустить на свободу по отбытии наказания. Позднее я узнал, что, по оценке тюремной администрации, у Гэри был очень высокий риск рецидива, и она пыталась найти способ снизить этот риск.

Гэри был настоящий великан. Многие заключенные накачивают мышцы, потому что качаются по несколько часов в день, но у Гэри был рост больше ста восьмидесяти, бочкообразная грудь, огромные плечи и вес под 125 килограммов.

Я покрутил в руке ключ... Мне стало еще тревожнее при мысли о тщетности попыток остановить злобного 125-килограммового насильника каким-то латунным ключиком.

Гэри шел своей дорогой на групповую терапию, и я чувствовал на себе его взгляд. Увидев, что он заходит в дверь, которая вела в помещение для групповых занятий, я испытал облегчение.

Гордон слонялся поблизости, заметил меня и направился к станции.

– Я тут нашел для тебя еще нескольких ребят, – сказал он, сунул руку в карман и достал мятый листок бумаги примерно с пятнадцатью именами.

– Спасибо за помощь, – сказал я.

– Да без проблем. Эй, – сказал он, оглядевшись и убеждаясь, что нас никто не слышит. – Как ты думаешь, мне не приплатят или, может, чего-нибудь дадут за то, что тебе помогаю?

Я улыбнулся:

– Хорошая попытка. Боюсь, самое большое, что я могу сделать, – это разрешить вам быть первым на следующем этапе исследования. Нам не разрешается привлекать участников к набору исследуемых. Но все равно спасибо за помощь.

– Ну ладно, хотя бы попробовал... – ответил Гордон. – Ну и когда начнется следующий этап?

– Через пару недель. Пока что я собираю оборудование, – сказал я.

– Круто.

Гордон повернулся и пошел прочь.

Я просмотрел список имен. Такое впечатление, будто Гордон накануне вечером обошел все камеры и заставил подписаться все свое крыло. Хотя, скорее всего, он просто взял и переписал имена из списка заключенных и даже не подумал с ними поговорить. Хм, неужели я всего за один день превратился в циника?

Я вышел из медпункта, посмотрел налево, убеждаясь, что дверь, за которую вышел Гэри, не открылась и не впустила никого в жилой блок, и потом отправился к небольшой общей комнате в конце крыла, где содержался Гордон. Вокруг туда-сюда ходили заключенные. Я назвал первое имя из своего нового списка:

– Майк Уэст. Здесь есть Майк?

– Есть. Это я, – раздался голос из дальнего угла.

– Вы не найдете минутку поговорить насчет того, чтобы поучаствовать в исследовании УБК? – спросил я.

– Найду, – согласился голос. Ко мне вышел высокий, худой человек и сказал: – Пошли. Гордон нам рассказал, чем вы вчера занимались.

Я начал думать, что сделал слишком поспешный вывод о намерениях Гордона или, скорее, о его желании получить вознаграждение.

У Майка были проблемы с наркотиками. В начале нашего интервью он сразу же доложил, что сидит тут совсем не за такие тяжкие преступления, как все остальные. Он всего лишь участвовал в ограблении, которое пошло немножко не так и кое-кто пострадал.

– Мне просто надо было добыть денег на дозу, – вспоминал он.

Майк вырос в пригороде Торонто. Он окончил школу и пошел работать на стройку, постепенно продвигался по службе и в конце концов стал оператором тяжелой техники. Он несколько раз менял место работы и дольше всего задержался на четыре года. В момент нашей встречи ему было под сорок, он отсидел пять лет из шести, к которым его приговорили за нападение и избиение с отягчающими обстоятельствами, уклонение от правосудия, преступную небрежность и еще по нескольким обвинениям. Майк уже десять лет был женат. Его жена переехала поближе к тюрьме, чтобы чаще его навещать. Она жила всего в нескольких километрах от тюрьмы и работала официанткой в ближайшем ресторане.

Марихуану, которую он называл стартовым наркотиком, он стал покуривать еще в старших классах. Дилеры сначала подсадили его, потом уговорили продавать, потом предложили попробовать кое-что новое. Он попробовал героин и сразу же попал в зависимость. Майк пытался колоться только иногда, чтобы расслабиться, но в конце концов стал героинщиком. Он скрывал это от семьи, друзей и даже от женщины, которая потом стала его женой, до тех пор пока уже не мог придумывать, куда уходят все деньги. Он начал грабить, сдавать в ломбард краденые телевизоры и электронику. Он влез в кредиты, долги и в конце концов взял оружие и стал грабить. Плевое дело, объяснял он, залезть в дом обычной семьи и раздобыть четырехста – пятьсот баксов – достаточно, чтобы на неделю обеспечить себя наркотиками. По его сло-

вам, он пытался бросить, но у него не получалось. И в конце концов наступил час X, как он выразился. Он грабил круглосуточный магазинчик и уже успел выбежать наружу и запрыгнуть в машину. Но мимо случайно проезжал полицейский патруль и принял вызов. Началась погоня, которая кончилась аварией. Майк столкнулся с машиной, в которой ехала семья. Они попали в больницу с тяжелыми травмами, угрожающими жизни. Когда Майк говорил об этом в конце нашего интервью, у него на глазах выступили слезы.

– Я наделал столько ошибок, – сказал он. – Но теперь я чист и трезв уже больше пяти лет.

До суда и приговора к заключению в федеральной тюрьме Майк отсидел год в следственном изоляторе. В Канаде сроки менее двух лет отсидивают в тюрьмах провинций, таких же, как окружные и городские тюрьмы в США. Получившие более долгие сроки отправляются в федеральное заведение, находящееся в ведении канадского департамента исполнения наказаний, располагающего тюрьмами во всех провинциях страны.

В местной тюрьме Майк прошел детоксикацию и программу психологического и фармакологического лечения – когнитивно-поведенческой психотерапии для наркоманов плюс медикаменты для снятия абстинентного синдрома. Их дозу постепенно снижали, пока он совсем не перестал их принимать. Майк не собирался возвращаться к прежней жизни, ведь он обещал жене и родным. Он собирался досидеть срок, выйти на волю, опять пойти на стройку и завести детей. Белый заборчик. Ему не обязательно было говорить эти слова; и так было ясно, что это был предел его желаний.

Майк испытывал эмоциональную привязанность к родным, жене, даже к некоторым другим заключенным. Он преподавал им основы арифметики и английский язык и получал поощрения за хорошее поведение. У него не было ни одного нарушения распорядка, случая употребления наркотиков или драки. Майк не связывался с проблемными заключенными. Сначала его отправили в тюрьму усиленного режима, но через год перевели на общий. Он считался неопасным и образцовым заключенным.

– Как же вы оказались здесь, на строгом режиме? – спросил я.

– Из-за молодежи, – пояснил он. – Они [тюремные психологи] сказали, что мне хорошо было бы продолжать терапию, чтобы опять не начал вести себя плохо, и что, раз я отказался от наркотиков, мой пример был бы полезен для молодежи, потому что наркотики никого до добра не доводят. Этим я и занимаюсь. Рассказываю, каким образом дошел до такой жизни и как все могло бы быть гораздо лучше.

Майк получил 11 баллов по шкале психопатии. Это очень низкий балл для заключенного в тюрьме строгого режима, намного ниже среднего – 22. Майк больше не попадет в тюрьму, подумал я; он научился на собственных ошибках.

Майк предложил мне проинтервьюировать своего сокамерника Боба. Боб был полон сил и энтузиазма и готов на все. Любопытный тип. Во время нашей беседы мне еле-еле удавалось вставить слово. Только я задавал ему вопрос, как он тут же заваливал меня историями минут на пятнадцать. Это было первое интервью, когда я смеялся в голос. Я не уверен, что человек в моем положении мог позволить себе хохотать во время клинического интервью, но я просто расслабился, сам подначивал его и говорил, что он настоящий комик. И, честно признаться, истории, в которые он попадал, были, прямо скажем, очень смешные.

Поскольку моя роль не была враждебной по отношению к заключенным, они обычно были очень открытыми и откровенными в наших интервью. Все, что они мне рассказывали, оставалось между нами. Это не попадало в их личные дела и не грозило им неприятностями. (И, как говорилось выше, я изменил их имена и описания, чтобы никто из читателей этой книги не смог понять, о ком я говорю.) Я разговаривал с ними потому, что хотел их понять. Я помнил это чувство, словно был лейтенантом Колумбо, когда только начинал работать в тюрьме; мне хотелось знать, что повлияло на этих людей, как они туда попали. Моей целью в то время

было использовать услышанное в интервью для того, чтобы усовершенствовать оценку риска повторных преступлений.

В Канаде в середине 1990-х тысячи преступников выходили по условно-досрочному освобождению каждый год. Полномочиями решать, кто выйдет на волю, а кто останется в тюрьме, обладали комиссии по УДО, члены которых назначались и имели очень разную профессиональную подготовку. Если преступник ходатайствовал о досрочном освобождении, комиссии нужно было знать, какова вероятность, что он снова совершит преступление. Для заключенного это могло быть вопросом жизни и смерти, как, впрочем, и для окружающих его на свободе людей. Безусловно, это решение влекло громадные экономические и, разумеется, эмоциональные последствия для общества в целом и для потенциальных жертв в частности. Комиссии по освобождению иногда принимали решение самостоятельно после разговора с заключенным (всегда плохая идея); иногда обращались за профессиональной консультацией к специалисту по психическому здоровью, например психологу, социальному работнику или психиатру (и это не очень хорошая идея); либо они могли распорядиться об оценке риска и на основании этой оценки принять информированное решение (хорошая идея во всех случаях).

Комиссии по УДО обычно не очень хорошо угадывают, кого следует выпустить из тюрьмы. Одно исследование недавнего времени показало, что у преступников-психопатов больше шансов убедить комиссию по сравнению с непсихопатами^[2]. Это извечная проблема, так как известно, что у психопатов вероятность рецидива выше, чем у непсихопатов. Профессиональное суждение психолога или психиатра тоже, как оказалось, очень ненадежно для прогноза повторных преступлений^[3].

Из-за недостатков такой системы, когда приходится полагаться на догадку горстки людей или ненадежное мнение одного человека, ученые постарались создать инструмент для оценки риска, то есть процедуру, которая бы учитывала множество переменных для информированной и детальной оценки риска по каждому конкретному преступнику. Криминологи и судебные психологи изучили, какие факторы повышают риск, а какие способствуют его снижению. Некоторые из них относятся к «статистическим», как, например, возраст преступника, пол жертвы, тип предыдущих преступлений, возраст начала преступной деятельности и т. д. Они неплохо предсказывают примерную вероятность повторного преступления, но не очень хорошо помогают ответить на вопрос, кто совершит преступление на сексуальной почве, а кто – иное тяжкое деяние. Кроме того, есть психологические факторы, например интеллект и личные качества, в том числе психопатические черты. И наконец, есть динамические факторы – то, что меняется, то есть семейное положение, образование, профессия и т. д. Из них составляются большие базы данных, а ученые анализируют их и пытаются определить, которые из них говорят о том, что преступник снова пойдет по кривой дорожке. Вооруженные этой информацией, исследователи разрабатывают тесты, которые потом могут применять комиссии по УДО, чтобы их трудная задача стала чуть легче.

Таково было положение, когда я начинал свои занятия наукой. Оценка риска едва успела появиться в судебно-пенитенциарной системе, и моей главной целью было попытаться усовершенствовать диагностическую точность и стратегию прогнозирования риска. Я хотел помочь людям, принимающим решение, правильно оценить риск рецидива у преступников, в частности психопатов, чтобы их не выпустили досрочно или, по крайней мере, выпустили на особых, очень строгих условиях, чтобы не допустить повторных преступлений.

Область исследования психопатии в середине 1990-х находилась еще в зародыше. Не было еще ни одного исследования со сканированием мозга психопатов. Лишь в 1991 году вообще появилась надежная процедура их клинической диагностики (когда впервые вышел в свет Перечень психопатических черт). Было известно одно: что у психопатов очень высокий риск рецидива. У заключенного, получившего высокий балл по ППЧ, вероятность повторного

преступления в следующие пять лет в 4–8 раз выше, чем у получившего низкий балл, а также гораздо больше вероятность насильственного преступления^[4]. Понятно, что это решающий компонент любой оценки риска.

Боб рассказал, как переходил через границу в США (граница между США и Канадой протянулась на пять тысяч километров, и она закрыта лишь в немногих местах), автостопом добирался до индейских резерваций и покупал сигареты блоками, сколько влезало в его большой рюкзак. Потом автостопом доезжал до границы и пешком возвращался в Канаду с десятками блоков. В Канаде он продавал их с огромным наваром, потому что там они облагались большими налогами. Боб прилично на этом зарабатывал.

– Кому вы их продавали? – спросил я.

– О, это самое интересное, – ответил он. – Надо продавать тем, кто тебя не сдаст; я их сбывал беременным женщинам. Они стесняются покупать сигареты в магазине, так что всегда готовы купить у тебя даже дороже, чем в обычном супермаркете. Легкие деньги. Класс.

Боб занимался всеми видами незаконной деятельности, о которых мне только доводилось слышать, и еще несколькими, о которых не доводилось. Он мошенничал с кредитными картами, похищал персональные данные (прежде чем выйти из кабинета, я проверил бумажник), был домушником, угонщиком, иногда грабил на улице, несколько раз попадался на употреблении и сбыте наркотиков и рецептурных лекарств (как-то раз он шантажом вынудил врача выписать ему фальшивые рецепты и потом бегал по всем аптекам города, чтобы закупить лекарств), и самое последнее преступление – Боба судили за непредумышленное убийство.

Еще у Боба был фетиш. Ему нравилось подглядывать, и он собирал женское белье. После одного ареста полиция нашла у него в шкафу больше трех тысяч пар женских трусиков.

Боб рассказывал, как его допрашивали у него же дома по подозрению в краже со взломом, а он сидел на диване в наручниках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Доктор Роберт Хэр впервые опубликовал Перечень психопатических черт в 1980 г.: Hare R. D. (1980). A research scale for the assessment of psychopathy in criminal populations // *Personality & Individual Differences* 1 (2), 11–119. В 1991 г. он опубликовал руководство по применению ППЧ, а в 2005-м вышло исправленное издание в соответствии с новейшими научными данными: Hare R. D. (1991) // *Manual for the Hare Psychopathy Checklist-Revised*. Toronto: Multi-Health Systems; Hare R. D. (2005) // *Manual for the Hare Psychopathy Checklist-Revised (2nd ed.)*. Toronto: Multi-Health Systems.

2.

Porter S., Brinke L. & Wilson K. (2009). Crime profiles and conditional release performance of psychopathic and non-psychopathic sexual offenders // *Legal and Criminological Psychology* 14(1), 109–118.

3.

Monahan J. D. (1981). *The Clinical Prediction of Violent Behaviour*. Washington, DC: Government Printing Office. P. 47–49.

4.

Hart S. D., Kropp P. R. & Hare R. D. (1988). Performance of male psychopaths following conditional release from prison // *Journal of Consulting & Clinical Psychology* 56 (2), 227–232; Hare R. D. & McPherson L. M. (1984). Violent and aggressive behavior by criminal psychopaths. Special Issue: Empirical approaches to law and psychiatry // *International Journal of Law & Psychiatry* 7 (1), 35–50.